

ЗНАЧЕНІЕ ДРЕВНЕЙ ФИЛОЛОГІИ, И МѢСТО, КОТОРОЕ ОНА ЗАНИМАЕТЪ ВЪ КРУГУ НАУКЪ, ПРЕПОДАВАЕМЫХЪ ВЪ УНИВЕРСИТЕ- ТАХЪ (*).

Omnes trahimur et ducimur ad cognitio-
nis et scientiae cupiditatem, in qua excelle-
lere pulchrum putamus; labi autem, errare,
nescire, decipi et malum et turpe ducimus.
In hoc genere et naturali et honesto duo
vitia vitanda sunt: unum, ne incognita pro
cognitis habeamus illaque temere assentia-
mur; quod vitium effugere qui volet —
omnes autem velle debent — adhibebit ad
considerandas res et tempus et diligentiam.
Alterum est vitium, quod quidam nimis
magnum multamque operam in res obscu-
ras atque difficiles conferunt easdemque non
necessarias. Quibus vitis declinatis, quod
in rebus honestis et cognitione dignis ope-
rae curaque ponetur, id jure laudabitur.

Cic. de Off. 1, 6. 18. 19.

I.

Въ кругу Наукъ, обрабатываемыхъ нынѣ и
воздѣланныхъ съ древнихъ временъ, Филологія по-
же другихъ приобрѣла значеніе, — и съ недавняго
лишь времени признана Наукою въ полномъ смыслѣ

(*) Читано на годичномъ торжественномъ актѣ С. Петербургскаго Университета 8 Февраля 1881 года.

этого слова. Даже доселѣ существуетъ мнѣніе, раздѣляемое многими не только образованными, но даже учеными людьми, признающими вполне важность исследованийъ филологическихъ вообще и даже необходимость ихъ въ кругу педагогическихъ занятій: что Филологія не имѣетъ права на названіе Науки, не имѣя опредѣленнаго объема. Мысль эта столь распространена, что должна имѣть свои достаточныя причины.

И точно, если рассмотримъ ходъ Науки Филологіи, то должны будемъ согласиться, что хотя въ настоящее время границы ея точно обозначены и объемъ ея сферы удобоопредѣляемъ; но при всѣмъ томъ два послѣднія столѣтія и новыя направленія, въ это время данныя Филологіи, нынѣ лишь даютъ возможность называть ее Наукою всестороннею по направленію, полною по составу ея частей; систематическою не строго-опредѣленному отношенію частей между собою.

Историческая причина неясности понятія Филологіи, безъ сомнѣнія, есть та, что Филологія въ нынѣшнемъ значеніи слова не существовала и не могла существовать у древнихъ въ той степени совершенства, на которой стояла уже тогда другія Науки. Признавая вполне заслуги Естествоиспытателей позднѣйшихъ временъ, мы должны согласиться, что Науки Физическія потому только сдѣлали большіе успѣхи, начиная со Среднихъ вѣковъ, что сама древность дала твердое основаніе систематической ихъ обработкѣ. Но предметъ Естественныхъ Наукъ всегда возбуждалъ непосредственное вниманіе Ученыхъ, снѣжуютъ протидики древности, и достаточ-

ная причина эта, скрывающаяся въ самыхъ предметахъ изслѣдованія, устраняетъ необходимость приисканія причины исторической.

Философія съ начала появленія своего отдѣлилась отъ всѣхъ соприкосновенныхъ Наукъ и стала обрабатываться въ системѣ. Во времена всеобщаго упадка образованія, она сохранила своихъ прилежныхъ изслѣдователей, и отчасти расширяя кругъ дѣйствія своего, отчасти отдѣляя изслѣдованія, не входящія въ сферу умозрѣнія, всегда составляла систему.

Филологія, напротивъ того, съ появленія своего въ Александрійскій вѣкъ была именно тѣмъ, что выражается самимъ названіемъ ея: любовью къ Наукамъ вообще, безъ опредѣленнаго содержанія занятій. Къ этому стремленію чисто-человѣческому присоединялась причина нравственная: Ученые, видя всеобщее равнодушіе своихъ современниковъ ко всему высокому, обратились къ древности, какъ памятнику нравовъ народныхъ, отечественныхъ, и, понимая важность историческихъ преданій и чувствуя святость древности, предались стремленію сохранить своими трудами всѣ достижимые остатки старины. Каждый дѣйствовалъ по силамъ и обращалъ свое вниманіе и труды на тѣ предметы, которые наиболѣе его занимали; никто при прилежномъ и добросовѣстномъ трудѣ своемъ не думалъ о системѣ; многие, безъ сомнѣнія, и не понимали необходимости ея въ дѣлѣ Науки. Такимъ образомъ накопился матеріалъ для будущей Науки; но какъ побудительная причина къ образованію Науки была внѣшняя, то и результаты изслѣдованій были чисто-

историческіе. Древній языкъ былъ переданъ потомству въ сочиненіяхъ потому, что самыя сочиненія эти, по содержанию или по изяществу выраженія, стояли выше современныхъ, или потому, что Ученые видѣли порчу роднаго языка; путешественники описывали памятники Искусства потому, что видѣли, что художественныя сознанія были близки къ разрушенію. Историки описывали дѣйствія предковъ, называя свои сочиненія древностями (1), потому что видѣли въ предкахъ примѣры добродѣтели почти забытой.

II.

По преданію древнихъ, Эратосѣенъ (2) первый назвалъ себя Филологомъ, желая этимъ выразить стремленіе и ревность къ Наукѣ. Тотъ же смыслъ слова позже у Римлянъ. Атей (3), по свидѣтельству Светонія (4), принялъ это названіе, «потому что онъ былъ мужъ многосторонней учености». Да и самое слово Филологъ, употребляемое, сколько намъ

(1) Diob. Sic. 1, 4.— Dion. Hal. 1, 6.

(2) Род. въ 276 г. до Р. X. въ Киренѣ. Сдѣлавшись извѣстнымъ многостороннею ученостію, онъ былъ приглашенъ Птоломеемъ Еввергетомъ въ Александрію, гдѣ умеръ 80 лѣтъ отъ роду хранителемъ знаменитой въ древности Библіотеки.

(3) Atejus Praetextatus, современникъ и другъ Историка Саллюстія, родился въ Лемнахъ, провелъ большую часть жизни своею въ Римѣ.

(4) Sueton. de Grammat. 10. Philologi appellationem assumpsisse videtur (Atejus); quia, sicut Eratosthenes, qui primus hoc nomen sibi vendicavit, multiplices variaeque doctrina consabatur.

извѣстно, впервые у Платона (5), во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно встрѣчается, обозначаетъ не болѣе, какъ любящаго Науку. Цицеронъ (6) различаетъ между своими сочиненіями болѣе филологическія, разумѣя подъ этимъ названіемъ книги философскаго содержанія, не имѣющія цѣли прямо практической, къ которой направлены его рѣчи. Грамматики и Философы позднѣйшаго времени разумѣютъ подъ словомъ Филологъ человѣка любознательнаго (7) и отчасти такого, который заботится о воспитаніи юношества (8). Это неясное понятіе о Филологіи, какъ Наукъ, перешло отъ древнихъ изыскателей къ потомству, и рано уже возбудило вниманіе Ученыхъ, посвятившихъ себя разысканію древности въ различныхъ направленіяхъ дѣятельности народовъ. Такимъ образомъ мы видимъ первый шагъ къ точнѣйшему опредѣленію Филологіи въ ограниченіи сферы нашей Науки. Въ этомъ отношеніи, прежде всего изъ круга народовъ древняго міра отнесли къ пред-

(5) Plato. Phaedr. p. 236, E. *ὡς εἴ ἀνέσθες τὴν ἀνάγκην ἀνδρὶ φιλολόγῳ ποιῆν ὃ ἂν κελύξῃ.* id. Laches p. 188, C. *καὶ γὰρ ἂν δοξάζῃ τῷ φιλολόγῳ εἶναι, καὶ αἰ μισολόγος.* cf. id. Theaet. p. 161, A id. Legg. 1. p. 641, E. *τὴν πόλιν ἅπαντες ἢ μὲν Ἕλληνας ἐπολαμβάνουσι ὡς φιλόλογος εἶ ἴσσι καὶ πολυλόγος Λακκωνάουσι δὲ καὶ Κρητην, τὴν μὲν βραχυλόγον, τὴν δὲ, πολυλόγον μᾶλλον ἢ πολυλογίαν ἀποδοῦσαν.*

(6) Cic. Epp. ad Att. 13, 12. *Scis me ante orationes aut aliquid id genus solitum scribere,..... Postea autem, quam hanc coepi φιλολογώτερα....*

(7) Plut. Alex. M. 8. *Ἦα δὲ (ὁ Ἀλέξανδρος) καὶ φύσει φιλόλογος καὶ φιλομαθὴς καὶ φιλαγαγώστης.*

(8) Lob. Rhyn. p. 392. *Φιλόλογος ὁ φιλῶν λόγους καὶ ἀκονδίζων περὶ κωμείων.*

мету Филологіи Грековъ и Римлянъ, какъ два народа, проявившіе самостоятельную образованность, положившіе основаніе систематическому обработыванію всѣхъ Наукъ и передавшіе потомству Литературу и Искусства, на которыхъ народы позднѣйшихъ временъ стали возидать произведенія своей умственной дѣятельности. Это ограниченіе имѣетъ справедливое основаніе въ томъ отношеніи, что никто, конечно, не можетъ удержаться въ заслугахъ древнихъ касательно Литературы и Искусства; но слѣдовало бы тогда же постановить раздѣленіе Науки вообще на Филологію древнюю и Восточную, какъ дѣлаютъ это въ наши времена. Слѣдуя этому, справедливо ограниченному раздѣленію Филологіи, естественно выведено было для Науки слѣдующее содержаніе: Филологіею сталъ называться кругъ многоразличныхъ познаній, пріобрѣтенныхъ Греками и Римлянами, разработанныхъ ими и передаваемыхъ позднѣйшему времени въ богатой и изящной Литературѣ; однимъ словомъ, цѣль Филологіи при такомъ опредѣленіи будетъ воспроизведеніе познаній, достигнутыхъ и усвоенныхъ Греками и Римлянами. Но и тутъ еще кругъ дѣятельности слишкомъ обширенъ, и систематически равномерное обработываніе всѣхъ Наукъ, входящихъ въ сферу Филологіи, для Ученаго невозможно. Посему приступлено было къ новому ограниченію, и за исключеніемъ Наукъ Математическихъ и Естественныхъ, Философій и Исторіи въ строгомъ смыслѣ, подъ Филологіею стали разумѣть познанія о жизни древнихъ народовъ, ихъ Литературѣ и Изящномъ Искусствѣ. Слѣдствіемъ такого опредѣленія были различныя названія нашей

Науки, отчасти нынѣ еще употребляемыя. Такъ въ Германіи кругъ познаній филологическихъ, изучаемыхъ въ Университетахъ, сталъ называться *schöne Wissenschaften*, во Франціи—*belles lettres*, гдѣ нынѣ еще существуетъ *la faculté des lettres*; въ Англіи, для большей опредѣленности, вошло въ употребленіе выраженіе: *classical learning*; наконецъ слѣдуетъ упомянуть объ ученomъ названіи, нисколько не классическомъ: *studia humaniora*. Всѣ эти названія Науки, хотя обнимаютъ тѣ свѣдѣнія, которыя составляютъ Науку Филологію, однакожь слишкомъ обширны и не опредѣляютъ ни круга познаній, входящихъ въ составъ Науки, ни границъ ея.

III.

Въ началѣ нашего столѣтія знаменитый издатель Гомера, совершившій рѣшительный переворотъ въ искусствѣ Критики и въ Филологіи вообще, Ф. А. Вольфъ, обратилъ вниманіе на опредѣленіе Науки Филологіи, и, въ первой части издаваемого имъ тогда журнала (9), представилъ свое начертаніе Науки Филологіи, назвавъ ее Наукою Древности (*Alterthums-Wissenschaft*). Цѣль Филологіи, по мнѣнію знаменитаго Ученаго, есть: *«познаніе древняго міра самого по себѣ: — познаніе, проистекающее изъ наблюденія органически развившейся высокой народной образованности, достигаемое изученіемъ остатковъ древно-*

(9) *Museum der Alterthums-Wissenschaft*. Herausgegeben von Fried. August Wolf und Philipp Buttmann. Berlin, 1807. I. Band, 1. Stück: *Darstellung der Alterthums-Wissenschaft*.

сти (10). Основываясь на этомъ обширномъ опредѣленіи, не исключаящемъ никакой отрасли Наукъ, обработанныхъ древними, Вольфъ, въ концѣ своего сочиненія (11), представляетъ перечень свѣдѣній, входящихъ въ составъ Науки Древности. Число сихъ частей 24; хотя между этими отдѣльными Науками есть познанія различнаго объема, однакожь, за исключеніемъ одной (*№ XVII*) — Мысли древнихъ, всѣ прочія столь обширны (напр. *№ VIII* — Всеобщая Древняя Исторія, т. е. Исторія народовъ древности), что точное и специальное занятіе одною исключаетъ возможность достигнуть въ другихъ отдѣлахъ необходимыхъ для юнаго обозрѣнія цѣлой Науки познаній. Между исчисляемыми занятіями филологическими, Вольфъ на первомъ мѣстѣ поставилъ *Философскую Грамматику или общія основанія и законы общихъ древнихъ языковъ*. За симъ слѣдуетъ *Грамматика Частная* того и другаго языка. Сравнивъ эту Частную Грамматику съ Общею или Философскою, мы должны заключить, что, по мнѣнію Вольфа, Грамматика языка отдѣльнаго есть изложеніе формъ его безъ сравненія ихъ и безъ вывода общихъ законовъ для самаго языка и другихъ съ нимъ сродныхъ. И точно, если мы станемъ ближе разсматривать обработываніе Грамматики Латинской, преимущественно же Греческой, мы находимъ даже до ближайшаго къ намъ времени

(10) L. I. pag. 124, 125: die Kenntniss der alterthümlichen Menschheit selbst, welche Kenntniss aus der durch das Studium der alten Ueberreste bedingten Beobachtung einer organisch entwickelten bedeutungsvollen National-Bildung hervorgeht.

(11) Стр. 143.

надеженія многообразныхъ формъ языка безъ сравненія даже діалектическихъ отступленій: потому Грамматика по сію пору считается занятіемъ хотя необходимымъ, но тяжкимъ, и нисколько не заслуживающимъ имени Науки. Она ведетъ къ познанію однихъ частныхъ результатовъ, идеи въ ней не развиваются, а потому цѣль ея не столько цѣль Науки; сколько удовлетвореніе любознательности почти мелочной. Естественно, что Филологія, требуя только такихъ занятій, не могла пріобрѣсть должнаго вниманія и настоящей оцѣнки. Самое изученіе языковъ древнихъ стало считаться дѣломъ второстепеннымъ, средствомъ къ достиженію высшихъ результатовъ въ другихъ Наукахъ, преимущественно въ Исторіи. По этому дашному направленію вкорѣ образовалось мнѣніе, что, такъ какъ изученіе древнихъ языковъ есть только средство для обработыванія Исторіи, т. е. для пріобрѣтенія матеріаловъ историческихъ, почерпаемыхъ изъ богатаго источника древней Литературы, то знаніе самыхъ языковъ становится излишнимъ, коль скоро можетъ быть достигнуто изученіемъ хорошихъ, вѣрныхъ переводовъ древнихъ Писателей. Мнѣніе это распространилось тѣмъ болѣе отъ того, что между самими Филологами обработываніе реальныхъ свѣдѣній взяло верхъ надъ изслѣдованіемъ самого языка. Неужели можно передать живность Русской сказки, быстроту соображенія Русской поговорки или загадки, заучивность Русской пѣсни? Переведите буквально, строго придерживаясь отдѣльныхъ словъ, — и переводъ станетъ совершенно непонятенъ: потому что всякій народъ имѣетъ свою точку зрѣнія, свой взглядъ на

каждый частный предмет, съ которымъ связаны известные понятія, и который естественно ведетъ къ известнымъ сображеніямъ; а это и составляетъ законы языка или то, что мы называемъ *духомъ* его. Оставьте буквальный смыслъ подлинника и передайте мысль предложенія въ вольномъ переводѣ, — и красота изложенія, осязательность описанія потеряны, прервана гармонія предмета и его представленія въ словахъ — переводъ становится сухъ. Точно такъ же всякій, кто читалъ Фукидиду или Тацита (12), слыша подлинникъ съ переводомъ, легко могъ убѣдиться, что сжатость слога ихъ не можетъ быть передана на другомъ языкѣ, а переводъ, въ которомъ одно слово древняго Историка должно быть передано предложеніемъ изъяснительнымъ, часто труднѣе понять, нежели самый подлинникъ.

IV.

Изъ приведеннаго нами Вольфова раздѣленія явствуетъ, что Науки, входящія въ составъ Филологіи, раздѣляются на два главные отдѣла, изъ коихъ одинъ обнимаетъ изученіе языка и литературныхъ памятниковъ; онъ раздѣляется на Грамматику, какъ ученіе о формахъ языка и о законахъ сочетанія словъ, на Теорію сочиненія, на Метрику и на Критику или Науку возстановленія испорченныхъ текстовъ. Всѣ прочія части Филологіи отно-

(12) Я привожу въ примѣръ Прозаиковъ потому, что Проза легче передается на другомъ языкѣ, — Историковъ потому, что при занятіяхъ Исторіею нѣрѣдко полагаютъ достаточнымъ чтеніе источниковъ въ переводахъ.

сятся не къ формѣ изложенія, а прямо къ предмету, описываемому въ Литературѣ. Хотя самъ Вольфъ вполне признаетъ всю важность грамматическаго изученія языка, и классическими сочиненіями своими представляетъ лучше всего необходимость строгаго, отчетливаго знанія языковъ, однакожь выражаетъ самымъ опредѣленіемъ Филологіи, что послѣдняя и высшая цѣль. Науки есть всестороннее познаніе древняго міра. Такимъ образомъ споръ между приверженцами формальнаго направленія и реалистами-Филологами нѣсколько Вольфомъ не рѣшенъ. Первые изъ нихъ доходили до крайняго положенія, утверждая, будто бы *изученіе древностей, въ особенности Археологій Искусства, излишне при познаніи языка; что Исторія Литературы становится бесполезною при чтеніи самихъ Писателей.* Съ другой стороны, реалисты утверждали, что *изученіе языка есть только средство къ изученію древняго быта, и потому грамматическое познаніе языковъ при обученіи юношества должно быть доведено только до той степени, которая достаточна для разумнѣя литературныхъ произведеній.* Последнею цѣлію реалистовъ было — изученіе Литературы, Искусствъ и всѣхъ сторонъ древней образованности. Но несомнѣнно и то, что безъ основательнаго знанія языковъ древнихъ невозможно понимать и сочиненія классическія; что изученіе содержанія Литературы недостаточно для достиженія созерцанія древности; что духъ народа, хотя выражается непосредственно въ дѣятельности точно такъ же, какъ характеръ недѣльнаго въ поступкахъ, но что еще болѣе непосредственно этотъ духъ древности отражается въ

самомъ языкѣ, въ строю рѣчи, въ самомъ образѣ формъ. Однимъ словомъ : обѣ стороны филологическихъ занятій имѣютъ особенныя достоинства, но ни одна изъ нихъ сама по себѣ безъ помощи другой недостаточна для достиженія цѣли Науки.

V.

Въ такомъ положеніи находилось обрабатываніе филологическихъ свѣдѣній, когда Языкознаніе, чрезъ расширеніе круга дѣятельности своей, получило новое направленіе. Языки, разсматривавшіеся до тѣхъ поръ каждый особенно, стали предметомъ сравнительнаго разбора. Въ кругу разсматриваемыхъ такимъ образомъ языковъ, Санскритскій сталъ центромъ Европейскихъ собратій, в древнихъ и новыхъ, въ томъ отношеніи, что онъ сохранилъ бѣльшую часть формъ на первоначальной степени развитія. Слѣдствіемъ этого было, что многія формы языковъ, не имѣвшихъ никакого видимаго сходства, при посредствѣ формъ Санскритскихъ, явились различными степенями органическаго развитія, происшедшими отъ общаго начала. Сличеніе формъ различныхъ языковъ повело далѣе къ сравненію формъ одного и того же языка, и результаты такого разсмотрѣнія повели къ преобразованію Грамматики. Часть этимологическая, бывшая до сихъ поръ скопленіемъ формъ, въ отдѣльности взятыхъ, ничего не выражающихъ, и получающихъ опредѣленное значеніе только въ связи съ другими формами, эта Этимологія стала закрытымъ для взора непосвященнаго сокровищемъ, къ коему ключъ пріобрѣтался по-

средствомъ Сравнительнаго Языкознанія. Этимологія, принимаемая дотолѣ за историческое начертаніе фактовъ, встрѣчающихся въ языкѣ, теперь стала яснымъ выраженіемъ судьбы языка и народа, употреблявшаго его. Это—памятники доисторическаго времени народа, которые обозначаютъ перевероты въ его жизни, и Наука Исторіи должна была предоставлять Языкознанію рѣшеніе тѣхъ происшествій, которыя не засвидѣтельствованы Литературою. Примѣръ самый разительный и наиболѣе объясняющій успѣхи Филологіи, совершенные помощію Сравнительнаго метода Языкознанія, представляетъ намъ обработываніе Греческой Грамматики, относительно діалектовъ Греческаго языка. Недавно еще увѣряли, и мы всѣ учились тому, что Аттическое нарѣчіе есть основной діалектъ языка, а всѣ прочія представляютъ въ формахъ своихъ отступленіе отъ общихъ правилъ. Есть Ученые, еще и нынѣ придерживающіеся этой мысли, столь же ложной, сколько распространенной съ давнихъ временъ. Причина ея скрывается въ Исторіи Грамматики. Когда сами Греки начали обработывать свой языкъ грамматически, общимъ для всѣхъ племенъ языкомъ служило нарѣчіе Аттическое, а потому они, не имѣя тѣхъ матеріаловъ для сравненія языковъ, коими пользуемся мы въ наше время, принимали употребительный языкъ за основаніе и точку исхода своихъ разысканій. Въ новѣйшее время прилежные обработыватели Грамматики, основываясь на матеріалахъ древнихъ, пріяняли вмѣстѣ съ ними и методу изслѣдованія. Такъ продолжалось до нашихъ временъ, и отступленіе отъ обыкновеннаго пути въ дѣлѣ Граммати-

ки считали ученою ересью. Между тѣмъ Сравнительное Языковѣдѣніе подтвердило наглядными доказательствами, что *формы различныхъ Греческихъ нарѣчій несравненно важнѣе Аттическихъ, что краткость сихъ послѣднихъ не свидѣтельствуетъ о ихъ первообразности, а есть слѣдствіе сокращенія и округленности формъ*; однимъ словомъ, что полнота и развитость въ формахъ нарѣчій есть доказательство жизненной силы языка, и что образование этихъ формъ свидѣтельствуетъ о доисторическомъ періодѣ жизни народа, когда языкъ находился въ полномъ развитіи силъ своихъ, и что напротивъ Аттическое нарѣчіе указываетъ на послѣднюю степень развитія, когда языкъ устанавливается, потерявши пластическую жизненность, и дѣлается теоретическимъ. Исследуя и сравнивая діалекты языка между собою, мы сознаемъ: развитіе племенъ изъ общаго начала народнаго, раздѣленіе и дальнѣйшее развитіе ихъ. Такъ Исторія, начинающая свои изслѣдованія съ того времени, съ котораго является Литература, т. е. со времени, свидѣтельствующаго объ умственной дѣятельности, возможной только при *нѣкоторыхъ* условіяхъ гражданственности языческихъ народовъ, для изслѣдованія начала и происхожденія ихъ и проясненія первобытнаго ихъ состоянія, должна основываться на фактахъ, выводимыхъ Языковѣдѣніемъ. Гдѣ, по недостатку матеріаловъ, эта Наука не приобрѣла результатовъ, тамъ Исторія должна довольствоваться предположеніями и догадками: значеніе Пелазговъ въ Греческой Исторіи и вліяніе ихъ на образованіе Греческаго народа хотя несомнѣнно, но никогда не прояснится и не будетъ доведено до

формы историческаго факта, покуда отношеніе незначительныхъ остатковъ Пелазгійскаго языка не будетъ прояснено Языкознаніемъ.

VI.

Представивъ отношеніе Грамматики къ Сравнительному Языкознанію, и указавъ на вліяніе сего послѣдняго на ходъ и успѣхи въ обработываніи языковъ, мы возвращаемся къ вопросу спорному: которая изъ частей Филологіи должна въ настоящее время обратить на себя особенное вниманіе Ученыхъ. При этомъ должно изложить отношеніе Грамматики къ прочимъ Наукамъ Филологическимъ и значеніе ея, какъ Науки. Недостаточно будетъ перечестъ всѣ составныя части Науки, но слѣдуетъ показать, какимъ образомъ онѣ развиваются изъ общей идеи Науки. Идея Классической Филологіи есть всестороннее познаніе древности, проявившей умственную дѣятельностію ту самостоятельную образованность, изъ которой развилась образованность ~~Западныхъ~~ народовъ.

Если одна изъ частей Филологіи была названа формальною, то Грамматика, конечно, не можетъ входить въ ея составъ; языкъ, разсматриваемый ею, есть часть дѣятельности народа древняго, и составляетъ точно такой реальный предметъ для ученаго изслѣдованія, какъ и другія произведенія древности, гражданскій бытъ и частная жизнь. Названіе формальной части Филологіи можетъ единственно относиться къ Герменевтикѣ и Критикѣ, которыя разсматриваютъ *законы умственной дѣятельности при*

изслѣдованіи и познаніи древности. Онѣ стоятъ въ томъ же отношеніи къ Наукѣ Филологіи, въ которомъ Логика стоитъ къ Философіи. И такъ споръ о реальной и формальной части Филологіи самъ собою исчезаетъ, если поставимъ предметъ Грамматики на ряду съ прочими предметами филологическаго изслѣдованія. При этомъ спрашивается, каковы эти части, и какъ онѣ происходятъ изъ главной идеи Науки? Дѣятельность народовъ легче всего раздѣляется, по двоякому направленію своему, на *теоретическую* и *практическую*. Эта послѣдняя выражается въ общественной и частной жизни; къ теоретической же дѣятельности относятся языческія религіозныя понятія древнихъ и проявленіе ихъ въ обрядахъ и далѣе въ Искусствѣ; за тѣмъ остается произведеніемъ умственной дѣятельности Наука древнихъ. Сообразно съ этимъ дѣленіемъ, реальная часть Филологіи будетъ состоять изъ *Общественныхъ* и *Частныхъ Древностей*; къ нимъ присоединится *Исторія древнихъ народовъ*, какъ изложеніе движенія народа въ отношеніи къ общественной и частной жизни; *Географія* и *Хронологія*, какъ Науки измѣренія этого движенія въ отношеніи ко времени и мѣсту; другую главную часть будетъ составлять *Мифологія*, какъ изслѣдованіе о религіозныхъ идеяхъ древнихъ Грековъ и Римлянъ, и *Исторія Искусства*,—вышшняго проявленія Мифологіи. Наконецъ послѣдняя часть, тѣсно связанная съ предыдущею, будетъ *Исторія древней Философіи*, какъ общаго корня, изъ котораго развились у Древнихъ отдѣльныя Науки. Но какъ Исторія Искусства у Грековъ и Римлянъ должна изслѣдовать проявленіе религіозныхъ идей языче-

ства, точно такъ и Наука можетъ быть разсмотрѣна въ отношеніи къ формѣ, въ которой она проявлялась: а потому *изслѣдованіе формъ изображенія* выразится въ *Исторіи Литературы* и *Исторіи языка*, какъ общей и отвлеченнѣйшей формы представленія мыслей.

VII.

Если Исторія народовъ, соотвѣтствуя понятію и названію Науки, не можетъ довольствоваться исчисленіемъ переворотовъ, происшедшихъ въ Государствахъ, и изображеніемъ дѣяній, прославившихъ или унижившихъ народы, но должна въ занятіяхъ своихъ стремиться далѣе къ отысканію общихъ идей, дѣйствовавшихъ въ извѣстное время и служившихъ причинами дѣяній и переворотовъ; если Исторія имѣетъ цѣлю своюю изслѣдовать начала и законы, по которымъ человѣчество двигалось впередъ по различнымъ направленіямъ человѣческой дѣятельности: то точно такъ и Грамматика заслуживаетъ названіе Науки только тогда, когда не останавливается на исчисленіи формъ языка съ показаніемъ нѣсколькихъ очевидныхъ законовъ и поверхностныхъ правилъ, но должна *изслѣдовать законы, по которымъ первоначальныя основанія языка, коренныя формы его, превращались, произрастали и дошли до извѣстныхъ формъ, употребляемыхъ въ образованномъ литературномъ языкѣ.* Такова задача Грамматики каждаго языка. За этимъ предѣломъ начинается важное филологическое изслѣдованіе языковъ посредствомъ Сравнительнаго Языковѣданія; оно дол-

жно вести къ открытію *общаго устройства и измѣняемости формъ*, — законовъ вѣчныхъ, начертанныхъ образованію и развитію человѣческаго слова. Языкъ не есть произведеніе человѣческаго ограниченнаго разума, появленіе его не произвольно, не случайно. По одинаковому закону необходимости, произошелъ онъ одинаково съ мыслию, и, какъ мысль, развивается и движется по непреложнымъ направленіямъ. Обстоятельства жизни народа задерживаютъ его ходъ къ усовершенствованію, но движенія его остановить не могутъ. Лишь внѣшняя Природа движется въ вѣчномъ кругообращеніи; духовная сила дѣйствуетъ вѣчно развиваясь и совершенствуясь, — потому и языкъ опредѣлимъ по одному направленію и по законамъ ускоряющимъ или замедляющимъ его движеніе. Уловить моменты развитія языка, опредѣлить по аналогіи многихъ встрѣчающихся въ языкѣ явленій общій законъ, вывести изъ одинаковыхъ законовъ степень сродства между языками и притомъ ясно указать на отличительныя качества каждаго изъ нихъ; это различіе объяснить указаніемъ на Исторію народа или по крайней мѣрѣ указать на соотвѣтствующій фактъ исторической — вотъ задача Грамматики: вотъ въ какомъ смыслѣ называемъ мы ее Исторіею языка. Посему та часть Грамматики, которая занимается изложеніемъ формъ языка, есть основная и главная; она — сокровищница наследственнаго достоянія народовъ, обработаннаго и развитаго въ теченіе вѣковъ. Сравнительное Языковѣдѣніе открыло намъ путь, по которому Грамматика должна идти къ высокой цѣли своей; и нашему именно вѣку предоставлено было созидать На-

уку Языкознанія: а потому въ наше время главнымъ предметомъ филологическихъ изслѣдованій должна быть Грамматика древнихъ языковъ, отставшая въ развитіи и усовершенствованіи отъ другихъ познаній по части Древности.

VIII.

Но почему же грамматическія изслѣдованія по древнимъ языкамъ имѣютъ особенное значеніе въ кругу Наукъ, преподаваемыхъ въ Университетахъ? Важность изученія Древности, о которой мы уже упоминали, не опредѣляетъ еще грамматическому направленію Филологіи почетнаго мѣста при преподаваніи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Занятія Отечественнымъ языкомъ въ сравненіи съ діалектами Славянскими должны, безъ сомнѣнія, занимать первое мѣсто въ кругу Словесныхъ Наукъ. Но эти именно занятія въ наше время должны преимущественно обращаться къ изслѣдованіямъ грамматическимъ, а потому и указываютъ на необходимость точнаго знанія и древнихъ языковъ. Между всѣми новѣйшими языками только языкъ Русскій и Славянскіе сохранили жизненность, выражающуюся въ многообразіи развиваемыхъ формъ; Германскіе и Романскіе языки не представляютъ такихъ слѣдовъ пластицизма въ формахъ. Окончанія въ нихъ округлялись отъ практическаго употребленія; слова въ нихъ—нерѣдко сокращенія полныхъ формъ. Посему они для Сравнительнаго Языкознанія въ нынѣшнемъ своемъ состояніи менѣе важны; но между тѣмъ сравненіе необходимо, и не только діалектовъ одно-

го языка между собою, но и различных языковъ. Одни языки древніе могутъ стать въ уровень съ Отечественнымъ въ отношеніи къ полнотѣ формъ. И такъ въ нихъ Славянская Филологія находитъ предметъ сравненія. И что же? При первомъ уже взглядѣ на строй языковъ и той и другой отрасли, сродство языковъ Славянскихъ и древнихъ дѣлается яснымъ: развитіе окончаній въ глаголахъ совершенно сходно, производство словъ почти совершенно одинаково. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказывается, что и перемѣна буквъ одинакова—упомянемъ объ одной перемѣнѣ: смягченіи согласныхъ. Но всѣ эти явленія обнаруживаются при сравненіи съ языкомъ Греческимъ; какое же мѣсто занимаетъ при этомъ языкъ Латинскій? Онъ важенъ тѣмъ, что сохранилъ множество формъ первобытныхъ, неразвитыхъ и весьма близкихъ къ корню: слѣдовательно онъ указываетъ путь къ отысканію этихъ корней для языковъ болѣе развитыхъ, и весьма часто подтверждаетъ дѣйствительное существованіе предполагаемыхъ коренныхъ формъ.

Такъ Греческій и Латинскій языки важны и необходимы для успѣшнаго изслѣдованія Славянскихъ нарѣчій, и при этомъ одномъ условіи уже должны составлять существенную часть занятій филологическихъ въ Университетахъ. Прибавимъ къ этому тѣсную связь, соединяющую Грецію съ Россією въ отношеніи религіозномъ, историческомъ и литературномъ; связь эта давно признана, ясно доказана, достойно воспѣта, и потому мнѣ нѣтъ причинъ останавливаться на предметѣ, лежащемъ внѣ тѣсныхъ предѣловъ, предположенныхъ моему раз-

сужденію. Народы Западной Европы приняли свое образованіе изъ древней Греціи при посредствѣ Рима: Русскіе воспользовались древнею образованностію, непосредственно почерпая изъ источника — изъ Византіи. Цѣль моя была только та, чтобъ указать на значеніе и важность древней Филологіи въ нынѣшнемъ ея состояніи, какъ Науки, составляющей необходимую часть занятій въ Университетахъ, — Науки органически связанной съ изслѣдованіями Отечественнаго языка. Филологія въ теченіе нынѣшняго столѣтія получила новое направленіе, по которому Наука Древности сошлась съ Наукою Славянскою; обѣ отрасли знаній идутъ параллельно, поясняя и опредѣляя другъ друга. Славянская Грамматика съ тѣхъ поръ, какъ стала обрабатываться въ видѣ Науки, приняла систему отъ Грамматики Греческой; связь Наукъ въ то время была только формальною; о сравненіи самихъ языковъ тогда еще не думали. Въ наше время снова встрѣчаются два языка на пути своего наукообразнаго развитія, съ сознаниемъ сродства, стремясь къ одинаковой цѣли. Но эта цѣль еще не достигнута, она еще далека. Въ чемъ же состоитъ общая задача и Славянскои и Древней Филологіи?

IX.

Сравнительное Языкознаніе обратило на себя вниманіе Филологовъ съ тѣхъ поръ, какъ успѣхи въ изслѣдованіяхъ Санскритскаго языка указали на вопросы, которые должны быть рѣшены Грамматикою. Законы образованія слова, выведенные изъ

языка, сохранившаго по большей части полныя, живописныя формы, были примѣняемы къ другимъ языкамъ, въ которыхъ по измѣненію, а отчасти и по сокращенію формъ, переходы отъ корней до развитаго вполне слова не всегда представляются во всѣхъ степеняхъ произрастанія; весьма часто нѣкоторые члены для сравненія не существуютъ въ языкѣ. Такъ первымъ дѣломъ Грамматики будетъ дополнить по найденнымъ законамъ развитія словъ недостающія формы и составить полные ряды производства словъ. А потому ближайшая цѣль Грамматики есть разсмотрѣніе формъ каждаго языка, преимущественно для опредѣленія особенныхъ отличій въ образованіи, по отношенію сохранившихся членовъ къ недостающимъ. Сознаніе этого различія представитъ характеръ каждаго языка, относительное его богатство и полноту, степень развитости пластической или упадка. Тогда Языковѣдѣе вполне достигнетъ своей цѣли, и представитъ въ систематически расположенной картинѣ образованіе человѣческаго слова, отъ первыхъ попытокъ къ обозначенію созерцаній до точнѣйшаго опредѣленія мысли. Вотъ высокая цѣль, къ которой стремится Языковѣдѣе; нашему вѣку предоставлено тщательными изслѣдованіями собирать матеріалы для этой Науки. Но что за польза въ изслѣдованіяхъ, которыя, какъ мы должны признаться, не достигаютъ послѣдней цѣли Науки? Мы отвѣчаемъ словами древняго мудреца (13): «Если бы мы чувствовали потребность

(13) Platon. Meno 21 p. 83 B. οὐ μὲντοι δεῖν ζητεῖν, ἀ μήτις οἶδε βελτίους ἀν εἴμεν καὶ ἀνθρωπώτεροι καὶ ἤτων ἀγαθοί, ἢ εἰ οὐ μὲνθα ἀ μὴ ἐπιστάμεθα, μηδὲ δυνατόν εἶναι εὐρεῖν, μηδὲ δεῖν ζητεῖν.

изслѣдовать то, чего не знаемъ, то были бы лучшими людьми, и менѣе подверженными лъности, нежели когда полагаемъ, что то, чего мы не знаемъ, не можетъ быть открыто и не должно быть изслѣдовано».
Цѣль Наукъ, преподаваемыхъ въ Унiversитетахъ, есть всестороннее образованіе нравственныхъ, прилежныхъ и вѣрныхъ гражданъ. Это скромная дань благодарности, приносимая Унiversитетами Престолу и Отечеству.

Адъюнктъ С. Петербургскаго Унivers.

ШТЕЙНМАНЪ.

